

РИСК: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИЧИНТЕЛЯ ВРЕДА С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ**Т. В. Шенель**

Статья посвящена такому сложному правовому явлению, как риск. В результате анализа многочисленных цивилистических теорий риска автор делает вывод, что наиболее приемлемой концепцией, позволяющей обосновать условия безвиновной ответственности за причинение вреда, является концепция В.А. Ойгензихта. Именно эта теория позволяет учесть психические особенности причинителя вреда. Конкретизация и уточнение многих её положений применительно к невиновным причинителям вреда с психическим расстройством и является основной целью настоящего исследования.

The article concerns such complicated legal issue as a risk. As a result of analysis of numerous civil theories of the risk the author deduces that the concept suggested by O. A. Oigensight is the most acceptable concept that allows substantiating the terms of responsibility for the trespass without a fault. This concept allows to take into account mental peculiarities of the tortfeasor. This research aims to specify and define more precisely the provisions of this theory with regard to guiltless tortfeasors with mental derangements.

Ключевые слова: риск, ответственность за причинение вреда, психическое расстройство.

В России не публикуются официальные данные о количестве лиц, страдающих психическими расстройствами. Вывод о неуклонном росте их числа, как во всем мире, так и в нашей стране, следует из анализа иных источников, в том числе международных документов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Прогнозы психиатров неутешительны: распространенность психических заболеваний будет неуклонно возрастать [1, 2].

С увеличением количества лиц с психическими расстройствами возрастает вероятность причинения ими вреда, в том числе и без вины. В России не ведется статистический учет случаев невиновного причинения вреда. Такому учету подвергаются только общественно опасные деяния невменяемых. Данные Министерства юстиции РФ, а также Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского свидетельствуют о постоянном увеличении их числа. По сравнению с осужденными, невменяемые втрое чаще совершают деяния против жизни и здоровья. Удельный вес имущественных деяний (краж, грабежей, разбоев) среди иных общественно опасных деяний психически больных выше, чем у тех, кто был привлечен к уголовной ответственности (Ю. Н. Аргунова, Б. В. Шостакович и др.). Но по этим данным нельзя судить об истинных размерах имущественного вреда, причиненного лицами с психическими расстройствами – это только «вершина айсберга». Другие же сведения о количестве их противоправных действий отсутствуют.

Невменяемые не привлекаются к уголовной ответственности и при наличии к тому оснований направляются на принудительное лечение. По советскому гражданскому законодательству, ориентированному прежде всего на защиту психически больных, невиновные лица с патологией психики также безоговорочно освобождались от возмещения причиненного ими вреда.

С принятием Гражданского кодекса РФ законодатель, в целях защиты самого общества от опасных действий психически больных, *отступил от традиционных подходов к ним только как к субъектам*

охраны и заботы. Впервые после 1917 г. в законодательстве смещен акцент с самого психически больного на негативные для общества последствия его поведения. Наряду с нормами о безвиновной ответственности появились нормы о возмещении вреда невиновным, не осознающим свои действия в момент причинения, в том числе и по причине психического расстройства.

Сущность, пределы применения таких последствий и их отличие от ответственности, наступающей независимо от вины, закон четко не определяет, что вызывает потребность в теоретических разработках основания их возникновения и правовой природы. В цивилистике такие вопросы применительно к психически больным причинителям вреда вообще не были предметом исследования, в отличие от ряда других отраслевых наук, активно изучающих правовые последствия поведения лиц с психическими нарушениями. До сих пор господствует представление о том, что безвиновная гражданско-правовая ответственность простирается до пределов непреодолимой силы, из чего следует, что её субъектом может быть любой психически больной.

Полагаем, что существующие «объективные» концепции основания такой ответственности не применимы к лицам с психическими расстройствами, в том числе из-за недооценки результатов исследований в области психологии и психиатрии. Более приемлема теория «субъективного риска».

В нормах гражданского права термин «риск» упоминается довольно часто. По утверждению Ю. Фогельсона, он используется в ГК РФ 89 раз [9, с. 26]. Этим термином обозначается объективная категория – опасность наступления в будущем случайных неблагоприятных последствий. Именно такое значение законодатель придает риску случайной гибели (повреждения) вещи, товара, результата выполнения работы; риску просрочившей стороны в договоре и т. д. (ст. 211, 459, 705 ГК РФ и др.).

В отечественной юридической литературе неоднократно делались попытки определить понятие риска и его правовую природу. Анализ различных суждений позволяет выделить три основных пози-

ции относительно сущности риска. Многие авторы считают его исключительно *объективной категорией*, существующей вне сознания человека, и определяют в самом общем виде как опасность, угрозу опасности наступления случайных неблагоприятных имущественных последствий (В. Рассудовский, О. А. Красавчиков, Т. И. Илларионова, Н. С. Малейн, Ю. Фогельсон). Сторонники другой позиции характеризуют риск как *субъективную категорию*, суть которой в вероятном допущении несения ущерба, в осознании опасности (В. А. Ойгензихт, С. Н. Братусь, Ю. Г. Басин и др.). Некоторые авторы не столь категоричны в оценке риска. Довольно осторожное отношение к пониманию риска проявляется в том, что его рассматривают, по крайней мере, в двух смыслах: *и как объективную категорию, и как субъективную* (В. Л. Слесарев, Б. Л. Хаскельберг, В. В. Ровный, Е. О. Харитонов, К. Лиховидов, В. А. Плотноков).

Различие в трактовках риска приводит к неодинаковому пониманию его значимости для возникновения безвиновной гражданско-правовой ответственности, в том числе за причинение вреда.

Вопрос о существовании такой ответственности остается дискуссионным в цивилистической литературе. Одни ученые отвергают её и считают, что при отсутствии вины в причинении вреда ответственность наступить не может (О. А. Красавчиков, Т. И. Илларионова, Н. С. Малейн, А. А. Тебряев, А. Ю. Францифоров, Ю. В. Францифоров и др.). Другие считают возможным существование ответственности без вины как исключения из общего правила об ответственности за вину. Её сторонниками являются: Х. И. Шварц, Г. К. Матвеев, И. С. Самощенко, В. А. Тархов, С. Н. Братусь, Е. А. Павлодский, В. Т. Смирнов, А. А. Собчак, О. В. Дмитриева, В. А. Хохлов, Б. Л. Хаскельберг, В. В. Ровный, Е. В. Бутенко и др. Эта позиция продолжает преобладать в настоящее время.

Противники ответственности без вины риску уделяют довольно значительное внимание, хотя и не признают его условием ответственности. Они рассматривают риск в качестве объективного начала возложения на лицо неблагоприятных имущественных последствий, возникших от случайных причин. Большинство сторонников ответственности без вины объясняют её существование объективными причинами, необходимостью стимулирования мер технической безопасности, которые если и не устраняют, то значительно сокращают возможность наступления несчастных случаев. Такая позиция в гражданско-правовой науке получила название теории «стимулирования» (Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц, М. С. Гринберг, В. Т. Смирнов, А. А. Собчак и др.). Риск в качестве субъективного условия «безвиновной» ответственности ими, наоборот, отвергается или о нем просто умалчивается.

Негативное отношение к риску как субъективному условию ответственности вызвано своеобразием истории развития представлений о нем, основные этапы которой в известной мере совпадали с хронологией борьбы двух начал, двух принципов ответст-

венности по гражданскому праву. В 20-х годах в цивилистической науке господствовали представления об ответственности на началах причинения. Для обоснования такого начала ответственности широко использовалась категория риска, которая рассматривалась с позиции заимствованной буржуазной «теории профессионального риска». Её сущность сводилась к частнопредпринимательской формуле: «Чья прибыль – того и риск».

В начале 30-х годов, когда принцип ответственности за вину стал получать все большее признание, а так называемый принцип «причинения» стал сдавать одну позицию за другой, сторонники принципа «причинения» пожертвовали категорией риска, объявив её «буржуазным» понятием, чуждым советскому гражданскому праву. Жертва была принята; развитие представлений о риске оказалось в обратном соотношении с развитием взглядов об ответственности за вину. Это привело к тому, что гражданско-правовая категория риска оказалась в забвении и почти перестала использоваться в научном обиходе [4, с. 142 – 143].

В гражданско-правовой литературе 50-х и 60-х годов риск рассматривался только в рамках «буржуазной» теории профессионального риска. Критикуя эту теорию, ученые отвергали и саму идею риска как условия безвиновной ответственности (Х. И. Шварц, Е. А. Флейшиц, Б. С. Антимонов).

Таким образом, отрицание риска как субъективного условия ответственности без вины в 50-е и 60-е годы было обусловлено, прежде всего политической идеологией, существующей в те годы в России. Ученые были вынуждены отвергать идею риска, поскольку связывали её только с «буржуазными» теориями профессионального риска и причинения. Поскольку в советском государстве основным принципом ответственности был провозглашен принцип ответственности за вину, любые попытки обоснования ответственности без вины с помощью риска рассматривались как чуждые советской идеологии.

Только в 70-е годы в цивилистической литературе появилась концепция о риске как субъективном условии безвиновной ответственности. Впервые в отечественной цивилистике такое значение риску придавал Х. И. Шварц. Однако основоположником данной концепции совершенно обоснованно признают В. А. Ойгензихта. Он писал, что среди процессов, происходящих в психике субъекта, встречается и такое его отношение к деянию и результату, которое находится в орбите его сознания, но не является виной – это категория риска. Риск предполагает, что действия субъекта создают определенные условия, конкретную возможность причинения вреда. Эта возможность превращается в действительность и именно в допущении такого превращения заключается риск, который является субъективным условием ответственности [8, с. 210 – 211; 75, 77]. Под риском как субъективным условием безвиновной ответственности В. А. Ойгензихт понимал «психическое отношение субъектов к результату собственных действий или действий других лиц, а также к результату объективно-случайных либо

случайно-невозможных действий (событий), выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых имущественных последствий» [8, с. 77].

В литературе последних лет встречаются упоминания о риске как субъективном условии безвиновной ответственности, но суть этой субъективной категории, её отличие от вины, как правило, не анализируется.

Таким образом, в гражданско-правовой литературе наблюдается неоднозначное отношение к риску как субъективному условию безвиновной ответственности: от полного его неприятия до признания в качестве единственного субъективного условия такой ответственности.

Отсутствие единства в понимании сущности риска вызвано рядом причин:

Во-первых, легального определения понятия риска законодательство не содержит. В ст. 41 Уголовного кодекса РФ дается трактовка только обоснованного риска. В Трудовом кодексе РФ нормальный хозяйственный риск лишь называется в качестве основания освобождения работника от материальной ответственности (ст. 239).

Во-вторых, категория риска используется несколькими отраслями права: гражданским, уголовным, трудовым, где ей придается различное правовое значение. Соответственно риск исследуется в литературе применительно к отраслевым правоотношениям. Изучению же риска в качестве общей, универсальной правовой категории не уделяется того внимания, которого он заслуживает.

В-третьих, полемика относительно риска вызвана в ряде случаев различием в понимании природы правомерного и противоправного риска. Признавая субъективный характер риска только при правомерном поведении, многие авторы противоправный риск считают исключительно объективной категорией (М. С. Гринберг, В. Л. Слесарев, О. В. Дмитриева). Некоторые ученые вообще игнорируют существование противоправного риска (В. А. Тархов, Н. С. Малейн).

В настоящее время в юридической литературе общепризнано существование такого правового явления, как риск. Другое дело, какой смысл вкладывается в его суть. У исследователей правомерного риска не вызывает сомнений его субъективный характер. И это вполне логично. Если лицо не осознает правомерность своих действий, совершенных с целью устранения опасности или ее угрозы, то такой риск не может служить основанием освобождения от ответственности. Лицо освобождается от ответственности, но по другому основанию, из-за неспособности понимать значение своих действий или ими руководить в момент совершения деяния. При анализе же невиновного противоправного поведения о присущих ему субъективных моментах почему-то забывается. Это в какой-то степени объяснимо для случаев ответственности за вину, когда правовое значение имеет только вина как психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату. Но совершенно, на наш взгляд, не оправдано то-

гда, когда ответственность возлагается на невиновного правонарушителя.

В гражданском праве ответственность без вины, в частности, за причинение вреда, – далеко не редкое явление. Такая ответственность предусмотрена не только за вред, причиненный источником повышенной опасности, хотя в цивилистической литературе в основном исследуется этот вид деликтной ответственности. Ответственность без вины наступает и при причинении вреда лицом, доведшим себя до бессознательного состояния злоупотреблением спиртными напитками, наркотическими веществами или иным способом. Вред, причиненный конструктивными, рецептурными или иными недостатками товара, работы или услуги, также возмещается независимо от вины продавца или изготовителя. В указанных случаях явно недостаточно анализа вины и обстоятельств, свидетельствующих об её отсутствии. Однако из рассуждений большинства ученых создается впечатление, что сознательные акты возможны только при наличии вины. Невиновное же поведение нередко отождествляется с отсутствием сознания и воли.

Если же признать, что *при отсутствии вины правонарушителя у него всё же сохраняется сознание, в том числе воля, то логично возникает вопрос о том, каковы формы проявления сознания при невиновном поведении и не является ли риск одним из этих проявлений.* Не случайно, для обоснования ответственности лица, причинившего вред невиновно, но доведшего себя до такого состояния злоупотреблением психоактивными веществами, в литературе иногда ссылаются на его вину до причинения. Это является своеобразной попыткой исследовать психическое состояние правонарушителя, предшествующее непосредственному причинению вреда.

В гражданском праве, как уже отмечалось, термином «риск» законодатель обозначает объективную категорию – *опасность наступления в будущем случайных неблагоприятных последствий.* В правилах о распределении случайных имущественных потерь субъективный фактор не учитывается. По смыслу законодательства риск означает ситуацию, в которой отсутствует ответственное лицо, на которого можно было бы возложить ответственность или обязанность возмещения причиненного вреда. Такое отсутствие может быть обусловлено различными причинами:

а) случайный имущественный вред возник в результате действий невиновных лиц, на которых по закону нельзя возложить ответственность без вины. При причинении вреда имуществу в результате виновных действий лиц, нормы гражданского права о риске случайной гибели (повреждения) вещи не применимы;

б) закон предусматривает ответственность без вины, но невиновный причинитель не может быть к ней привлечен. Основанием его освобождения от ответственности закон называет непреодолимую силу, умысел или грубую неосторожность потерпевшего;

в) случайные последствия не были связаны с действиями лиц, а возникли только вследствие непреодолимой силы.

При наличии указанных обстоятельств закон возлагает бремя несения случайного имущественного вреда на лицо, которое его не причиняло. В таких случаях определяющими становятся факторы, никак не связанные с психикой этого лица: титул собственника, статус стороны в договоре, просрочка исполнения обязательства и т. д. О риске в субъективном смысле, как осознании опасности наступления негативных случайных последствий, в ГК РФ вообще не упоминается.

Несмотря на обозначение термином «риск» только объективного явления – опасности случайных последствий, мы вкладываем в этот термин смысл, отличный от того, который придает ему законодатель. На наш взгляд, *риск является своеобразным психическим отношением невиновного правонарушителя к возможному противоправному поведению, которое может быть совершено им в будущем, и его случайным последствиям*. Такое понимание субъективного условия безвиновной ответственности органически сочетается с господствующим в литературе взглядом на правонарушение как единство объективных и субъективных элементов. Правонарушение всегда является основанием гражданско-правовой ответственности, только при безвиновной ответственности его субъективным условием служит не вина, а риск.

Конечно, не исключена условность обозначения такого отношения словом «риск». *Возможно, использование различной терминологии для обозначения объективной опасности, угрозы наступления случайных последствий и субъективного отношения к этой опасности в большей степени способствовало бы уяснению сущности этих явлений*. Однако главное в том, что, как бы ни называлось это отношение, оно существует и действительно является субъективным условием безвиновной ответственности.

Сложность характеристики риска как *психического отношения* состоит в том, что само это отношение является не правовой, а психологической категорией. В психологии же такая форма психической деятельности, как психическое отношение, еще мало изучена. Основоположителем психологии отношений является В. Н. Мясищев, который основу формирования психических отношений видел в рефлексии, то есть соотнесении человеком системы сложившихся у него знаний, понятий с собственным поведением. По его глубокому убеждению, соотнесение лица с объективной реальностью в процессе деятельности есть не только выделение его из окружающей среды, не только отражение мира в определенных образах, но и отношение (желание, переживание, внутреннее стремление) лица к действительности [6, с. 109]. Для человека как личности свойственна совокупность отношений к окружающей действительности, «ансамбль отношений». В правовой литературе при характеристике психического отношения к противоправ-

ному поведению и его результату в основном ссылаются на исследования данного автора.

Глубокий анализ психического отношения при риске дан в работах В. А. Ойгензихта. Его концепция до сих пор является определяющей для исследований риска как условия гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем многие её положения требуют дальнейшей конкретизации и уточнения.

Представляется, что риск невиновного причинителя вреда обладает рядом специфических черт:

1. Риск, несомненно, является *сознательным* психическим отношением, одной из форм проявления сознательной психической деятельности человека. Если деятельность лица полностью утрачивает сознательный характер, что возможно при некоторых видах хронических психических расстройств, оно не может и рисковать.

Сознательный характер деятельности рискующего проявляется в *предвидении и допущении возможности наступления в будущем случайных неблагоприятных последствий своего противоправного поведения*. Этот признак риска был впервые введен и исследован В. А. Ойгензихтом. Однако, в отличие от названного автора, мы считаем, что рискующий допускает возможность случайных последствий *не в момент совершения противоправного действия, а в период, предшествующий ему*.

2. Само противоправное поведение и его результат рискующий *не осознает*, поэтому он не виновен. В праве не принято различать понятия «сознание» и «осознание», хотя в психологии они не расцениваются как идентичные. *Сознание является общим свойством психики человека. Осознание характеризует его поведение в конкретной обстановке*. Неосознанность определенных действий далеко не всегда свидетельствует об отсутствии сознания. Эпизодичность осознания своих поступков характерна не только для временных, но и для хронических психических расстройств, например с фазным течением, когда приступ (фаза) сменяется практически полным возвратом к психическому здоровью (биполярный психоз). Неосознанность характера своего поведения и его результата не означает отсутствие у рискующего психического отношения к ним. Просто отношение, оставаясь сознательным, утрачивает осознанность. Такое утверждение не противоречит психологическим исследованиям отношений. В. Н. Мясищев писал по этому поводу: «Может ли отношение быть бессознательным или неосознанным? По-видимому, это закономерный путь формирования всего сознательного: сразу или постепенно оно осознается, наиболее развитое отношение осознано и мотивировано» [7, с. 118].

При неосторожности, так же, как и при риске, негативные последствия противоправного поведения не осознаются, а только допускается возможность их возникновения. Но, в отличие от неосторожности не осознается и само противоправное поведение. Недооценка данного обстоятельства приводит к стиранию грани между неосторожностью и риском. Потому нельзя, как В. А. Ойгензихт, при определении риска акцентировать вни-

мание только на сознательном допущении случайных неблагоприятных последствий, без оценки психического состояния в момент совершения противоправного действия. При таком подходе риск невозможно отличить от неосторожности. Столкнувшись с проблемой соотношения риска и неосторожности,

В. А. Ойгензихт был вынужден сделать вывод об отсутствии оснований для полного противопоставления риска вине, о существовании *виновного риска*, что несколько снижает ценность его теории. При таком риске, – считал он, – «вина субъекта проявляется своеобразно – где-то на грани между небрежностью, косвенным умыслом и самонадеянностью». Виновный риск расценивался им как «самостоятельный вид вины в виде альтернативного допущения как положительного (желаемого), так и отрицательного (нежелаемого) результата противоправного поведения» [8, с. 75, 76].

3. Риск является психическим отношением к *возможному противоправному поведению*, которое может быть совершено рискующим в будущем, и его случайным последствиям.

4. При риске проявляются определенные эмоции, чувства правонарушителя. Отношение к интересам государства и общества, скорее, *безразличное*, поскольку, относясь к ним позитивно, рискующий выбрал бы иной вариант поведения, предшествующий причинению вреда. Однако в момент противоправного поведения из-за неспособности понимать значение своих действий и ими руководить у него отсутствует возможность выбора, наблюдается *дефект воли*.

Р. Н. Михеев следующим образом характеризовал порочность воли лиц, признанных невменяемыми: вследствие психической болезни или иного болезненного состояния утрачивается способность выбора «модели» поведения. Свобода выбора становится урезанной, неполной, в определенной мере искаженной [5, с. 21]. Аналогичная оценка воли применима и к лицам, неосознанными действиями которых был причинен вред.

5. Психическое отношение рискующего не имело бы значения для права, если бы само общество относилось к нему безразлично. Поэтому второй составляющей риска является отношение самого общества к правонарушению и субъекту, его совершившему.

В. А. Ойгензихтом высказано мнение о том, что при привлечении к ответственности, наступающей независимо от вины, существует презумпция риска. Многие авторы не разделяют такую позицию. Так, О. В. Дмитриева, критикуя её, рассуждает следующим образом. Презумпция риска должна означать, что в законодательстве содержится предположение об осознании субъектом возможности невинного причинения вреда и необходимости его возмещения. Однако опровергнуть такую презумпцию без опровержения презумпции дееспособности невозможно, так как только недееспособный субъект может не осознавать возможность причинения имуществен-

ного вреда. Поэтому такая презумпция, по мнению О. В. Дмитриевой, оказалась бы:

а) не самостоятельной, а неразрывно связанной с общей презумпцией дееспособности субъекта;

б) неопровержимой при наличии дееспособности правонарушителя.

«Названные обстоятельства, – считает она, – лишают эту презумпцию качества презумпции в том смысле, что презумпцию риска невозможно опровергнуть [3, с. 72]».

Мы разделяем позицию В. А. Ойгензихта о том, что ответственность, наступающая независимо от вины, основана на презумпции риска. Законодатель исключает из числа субъектов ответственности за причинение вреда только лиц, не обладающих дееспособностью. К таким лицам закон относит малолетних детей до 14 лет и психически больных, признанных судом недееспособными. Конечно, в идеале все лица, психические расстройства которых являются медицинскими критериями недееспособности, должны быть признаны недееспособными. И тогда не было бы необходимости в существовании специальных норм о возмещении вреда, причиненного такой категорией психически больных. Но действительность далека от идеала. Не все больные, психические расстройства которых являются основанием недееспособности, признаны таковыми судом. Причин тому – множество: отсутствие не только близких, но и иных родственников, а также лиц, которые бы проявили инициативу в оформлении недееспособности; невозможность помещения в психоневрологический дом-интернат, который бы взял на себя заботу о больном, и т. д.

В отношении таких лиц действует презумпция риска, которая может быть опровергнута. Их дееспособность опровергнуть нельзя, они по закону продолжают считаться полностью дееспособными. Сомнение может вызвать способность к осознанию отдельных действий, имеющих юридическое значение, в том числе к факту причинения вреда. Даже если в последующем эти лица всё же были признаны недееспособными, на момент причинения вреда они являются дееспособными. Но их неспособность сознательно допускать возможность наступления случайных неблагоприятных последствий служит обстоятельством, опровергающим риск. *Таким образом, при неопровержимости дееспособности причинителя вреда, факт отсутствия риска вполне доказуем.*

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Субъективным условием безвиновной ответственности психически больных является *риск*, как особая форма проявления их сознания, вид психического отношения к возможному противоправному действию (бездействию). Предлагается определять его как *разновидность субъективного случая, которая отличается от других его видов тем, что рискующий сознательно допускает возможность совершения в будущем противоправного поведения и его вредных последствий, но в момент причинения*

вреда не осознает ни противоправность, ни результат этого поведения.

2. Ответственность, наступающая независимо от вины, основана на презумпции риска. Его отсутствие, так же, как и непреодолимая сила, должно рассматриваться в качестве основания освобождения от безвиновной ответственности. Предлагается в отсутствующей пока общей норме о гражданско-правовой ответственности предусмотреть такое основание.

3. Признание причинителя вреда с психическим расстройством субъектом ответственности без вины зависит от ряда обстоятельств: продолжительности, тяжести и особенностей течения психического расстройства, а также от наличия судебного решения о недееспособности. Предлагается различать *две группы* невиновных причинителей вреда с психическими расстройствами. *Первую группу* составляют те, у кого, несмотря на утрату способности к осознанию действий в момент причинения вреда, сохраняется сознательный характер деятельности. К ним относятся лица с кратковременным или длительным психическим расстройством со стойкими ремиссиями, без обострений (фаз, рецидивов). Они должны привлекаться к ответственности без вины на началах риска. *Вторую группу* составляют причинители вреда, психические расстройства которых исключают осознанность их действий не только при причинении вреда, но и в период, предшествующий ему. Ими являются недееспособные, а также дееспособные психически больные, которых суд дееспособности не лишал, но основания для этого имелись. Они не должны признаваться субъектами деликтной ответственности без вины.

Литература

1. Доклад ВОЗ о состоянии психического здоровья и психиатрической помощи. 2001 [Текст] // Независимый психиатрический журнал. – 2002. – № 2. – С. 68.

2. Дмитриева, Т. Б. Новые направления социальной психиатрии в системе совершенствования охраны общественного психического здоровья [Текст] / Т. Б. Дмитриева // Материалы XIV съезда психиатров России. 15-18 ноября 2005 г. – М., 2005. – С. 50.

3. Дмитриева, О. Д. Ответственность без вины в гражданском праве: учебное пособие [Текст] / О. Д. Дмитриева. – Воронеж: Изд-во ВВШ МВД РФ, 1997. – 136 с.

4. Красавчиков, О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности [Текст] / О. А. Красавчиков. – М.: Юрид. лит., 1966. – 200 с.

5. Михеев, Р. Н. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве [Текст] / Р. Н. Михеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. – 300 с.

6. Мясичев, В. Н. Личность и неврозы [Текст] / В. Н. Мясичев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 426 с.

7. Мясичев, В. Н. Психология отношений [Текст] / В. Н. Мясичев; под ред. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. – 400 с.

8. Ойгензихт, В. А. Проблема риска в гражданском праве [Текст] / В. А. Ойгензихт. – Душанбе: Ифрон, 1972. – 224 с.

9. Фогельсон, Ю. Конструкция «интерес» и «риск» в Гражданском кодексе [Текст] / Ю. Фогельсон // Хозяйство и право. – 2003. – № 6. – С. 20 – 29.